

и социальными компонентами как условие устойчивости общества; принцип симметрии и взаимообратимости социетальных процессов.

Опираясь на эти принципы, можно заключить, что **общество** есть большая самодостаточная социокультурная система, возникающая и изменяющаяся в результате взаимодействий homo activus; ее функции и структуры обеспечивают балансируемое удовлетворение противоречивых потребностей, ценностей и интересов субъектов деятельности, входящих в эту систему, а их подвижный баланс осуществляется через совокупность социетальных процессов. Тип общества характеризуется типом антропосоциетального соответствия:

– в «традиционалистском обществе» характеристики человека должны соответствовать сложившимся социетальным структурам, которые ограничивают или закрывают пространство для нарушающих традиции инициатив индивида (принцип закрытости);

– в «либеральном или современном обществе» приоритет отдается свободам и ответственности людей, которые стремятся так изменить сложившиеся структуры, чтобы они соответствовали растущим потребностям и способностям индивидов и их коллективов, открывали пространство для целерациональных инноваций (принцип открытости). Целостность этой системы обеспечивается совокупностью взаимодополнительных функций, социетально-функциональных структур и процессов.

Социокультурная трансформация есть преобразование типа антропосоциетального соответствия или конкретно-исторической его формы. Это комплексный процесс, который охватывает все основные структуры общества, не сводится к реформам «сверху», а зависит от действий массовых социальных групп, что обуславливает незаданность его исхода. Он совершается многими поколениями и длится десятилетиями.

Это достаточно локальный процесс, протекающий в масштабах одной страны или, возможно, группы культурно близких стран и обществ. Он начинается с резкого нарушения существовавшего социокультурного баланса – социетального кризиса. Ответом на кризис могут быть спонтанные действия массовых групп или же целенаправленные реформы сверху. Происходит дифференциация существующих и возникновение новых структур, обеспечивающих новое антропосоциетальное соответствие; одновременно растут новые компоненты, вызывающие напряжения в обществе по новым основаниям. Завершается трансформация установлением нового социокультурного баланса. После этого наступает этап институционализации и воспроизводства нового типа общества – этот этап выходит за рамки трансформации в собственном смысле слова.

Соответственно типам антропосоциетального соответствия и самого общества, можно выделить два основных типа социокультурных трансформаций:

1) *традиционализация* – возникновение и институционализация традиций и других элементов культуры и социальной структуры, которые обеспечивают приоритет предписанных норм и правил поведения субъектов (традиционных действий) по сравнению с возможностями инновационных их действий;

2) *либерализация (модернизация)* – расширение свободы выбора и ответственности субъектов, увеличение возможностей для инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры

общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов – в соответствии с усложнением личности, возвышением ее потребностей и способностей. Понятие «либерализация» используется здесь по отношению к обществу в целом, а не только к его политической организации. Оно включает ценность свободы и сопряжено с веберовской рационализацией исторического процесса.

Ранняя либерализация и рецидивы традиционализации в России

Примем как исторический факт, что общее направление изменений стран Западной Европы от средних веков до наших дней можно охарактеризовать как социокультурную трансформацию от феодального традиционализма к буржуазному либерализму.

Т. Парсонс выделил три стадии этой либерализации: раннюю (до XIX в.), зрелую (XIX в.) и позднюю (XX в.), поныне продолжающуюся [5]. Можно предложить иную хронологию: ранняя либерализация завершается в XIX в. лишь в Англии, а в большинстве западных стран она захватывает тот или иной период XX в.; соответственно, в XX в. началась и продолжается зрелая либерализация. Переход к зрелой либерализации характеризуется переносом центра внимания со структур общества как внешних условий развития человека на самого *homo activus*, на его роль в изменении существующих структур и возникновении новых, на возможности преодоления отчуждения человека. В каждой стране этот процесс протекает по-своему, нередко включает драматические рецидивы традиционализма (например, в Германии). Но общий вектор трансформации очевиден.

В России феодальный традиционализм оказался весьма устойчивым. Ни радикальная модернизация Петра I, ни просвещенческая либерализация Екатерины II не поколебали его абсолютистско-крепостнических основ. Население оставалось множеством подданных, а не граждан. Ценой такой устойчивости стало двухвековое торможение развития промышленности и торговли, всего народного хозяйства страны. Поражение России в Крымской войне (1853–1856) сделало дальнейшее отставание нетерпимым. Обнаружился не очередной верхушечный кризис, а глубокий тупик традиционализма.

Оказавшись в тупике, царствующая династия была вынуждена и решилась приступить к комплексной трансформации государства, а по сути, всего российского общества. Этот процесс начался с середины XIX в. и продолжается до наших дней. Различаются три его фазы.

а) Реформы конца 50-х–начала 60-х годов XIX в., проведенные Александром II, положили начало *ранней либерализации* как комплексной трансформации России. Это выразилось прежде всего в отмене крепостного права (поэтапном освобождении помещичьих крестьян) и многоаспектной дифференциации социальных институтов: введение нового судоустройства, городского управления, возникновение новых отраслей промышленности и торговли, развитие банковской системы, создание народных училищ и мн. др.

Но этого казалось мало разночинной интеллигенции, унаследовавшей от просвещенных дворян либеральные идеи в их абстрактно-радикальной форме. Если дворяне-декабристы не решились застрелить Николая I, то народовольцы

застрелили Александра-Освободителя. За этим роковым выстрелом последовал рецидив традиционализации: Александр III и Николай II похоронили конституционные почину, усилили полицейский характер государства, свернули местное самоуправление, университетскую автономию. Стеснение свобод сказалось на развитии промышленности и торговли, расширило коррумпированность властей. Итогом стало поражение России в войне с Японией, а затем и с Германией — обнаружился новый тупик российской традиционализации.

б) Три массовые революции начала XX в. и гражданская война 1918–1922 гг. взбудоражили и изменили социальные устои России: ликвидация частной собственности означала уничтожение основ гражданского общества, максимальную этатизацию советского общества, подчинение всего производства государству, государственных структур — влиянию КПСС. В итоге — тотальное отчуждение человека: от участия в управлении, от результатов своего труда, от правдивой информации, от личной безопасности. Произошел возврат от начавшейся либерализации антропосоциетального соответствия к крайней, давно не наблюдавшейся его традиционализации.

С помощью этой традиционализации, обеспечивавшей максимальную мобилизацию человеческих и иных ресурсов, осуществлялась военно-техническая модернизация сталинской эпохи: индустриализация и милитаризация, урбанизация, подъем массового образования и науки. Это обеспечило победу СССР в Великой Отечественной войне против фашизма, обретение значительных территорий, утраченных после поражения России в первой мировой войне, а также удержание новых союзников в сфере своего влияния в течение 40 лет. Но этого оказалось недостаточно, чтобы выстоять в «холодной войне» двух типов общества и выдержать гонку вооружений против США и НАТО: традиционализм вновь загнал страну в тупик.

в) Системный, социокультурный кризис советского общества (с середины 80-х годов XX в.) стал следствием традиционалистского тупика, в котором оказалось это общество перед вызовом западных обществ, наглядно демонстрирующих преимущества социокультурной либерализации, но не в меньшей степени и перед возросшей потребностью массовых слоев образованных россиян самим обустроить свою жизнь. Первым ответом на эту потребность была перестройка, модернизационные реформы сверху: быстрое информационное открытие общества, демократизация его политических институтов. Немедленно последовала социокультурная катастрофа: распад СССР как оплота административно-командного традиционализма.

В самостоятельной России интенсифицировались модернизационные процессы, иницируемые сверху и снизу: рационализация и либерализация ценностных ориентации населения; разделение властей, становление независимых политических партий; плюрализация форм собственности, включая легитимизацию частной собственности, создание рынков труда и капитала, системы частных банков и т.п. Наблюдаются быстрое изменение структуры занятости, высокая социальная мобильность населения, его адаптация к условиям «дикого рынка»; появление «средней массы», новых типов социально-экономических организаций. Сквозь метаморфозы отчуждения проступает рост относитель-

ной свободы человека. Эти и другие процессы расширяют социокультурное пространство для инициативы и ответственности россиян, что позволяет сделать заключение о возобновлении движения России по пути ранней модернизации.

Но очень высокой оказалась социальная цена реформ: поляризация доходов (большая их часть оказалась у немногих, меньшая – у большинства), размывание среднего класса, угрозы и попытки нанести ущерб территориальной целостности страны (вдобавок к тому, что около 20 миллионов соотечественников оказались в ближнем зарубежье). Традиционалистски ориентированные силы предпринимают попытки контрреформ. Эмпирически современный этап предстает как множество разнонаправленных нововведений, предпринимаемых различными социальными субъектами сверху и снизу.

В этом хаосе плохо различается общий вектор изменений. Похоже, его формирование во многом зависит от характера власти и отношения граждан к своей свободе.

Самовластие и вседозволенность versus свобода

На Западе в ходе ранней либерализации, после нескольких волн демократических революций, ушла в прошлое фигура *подданного*, а на авансцену политической истории выступил *гражданин*, отстаивавший свои права и свободы, включая право легитимно изменять структуры государственной власти. Последняя же усвоила свою обязанность обеспечивать реализацию этих прав и свобод граждан.

В советской же России после трех революций утвердилось тотальное подданство – тотальное, потому что оно не сдерживалось ни сословными привилегиями, ни буржуазной собственностью. В нынешней, постсоветской России, несмотря на вполне демократические формулировки Конституции РФ, властные и другие высокоактивные слои населения смешивают свободу со вседозволенностью, используют новые условия для криминализации политической и экономической жизни, архаизации многих норм поведения.

Данные трех всероссийских обследований, упомянутых выше, свидетельствуют об устойчивости тенденции либерализации структуры ценностей россиян в 90-е годы XX в., несмотря на частичную ее делиберализацию во второй половине этого десятилетия, отражавшую их разочарования в реформах. Бытующие суждения о вакууме или архаизации ценностей не подтверждаются эмпирическими данными. В конце XX в. более половины россиян высоко ценят свободу и считают, что достойны отношения к себе именно как к свободным гражданам своей страны.

Что конкретнее можно сказать об этих наших согражданах? Чтобы четче выявить их характеристики, будем ориентироваться на тех респондентов, которые так или иначе ответили на наши вопросы, и отсеем тех, кто «не знают» и отказались от ответа. Даже в этом случае из объективных факторов наиболее дифференцирующим оказывается один: образование! Среди специалистов, т.е. людей, имеющих среднее специальное и высшее образование, на 8–12% больше полностью согласных с утверждением «Свобода человека – это то, без чего его жизнь теряет смысл», чем среди не имеющих такого образования

(всего среди 1100 опрошенных 58,9% полностью согласны с этим утверждением). Города дают на 10–15% приверженцев свободы больше, чем села и рабочие поселки.

Ценность свободы сопряжена в современной России с желанием добиться признания, успеха, с большим предпочтением рыночной экономики, но не с богатством как показателем успеха. Те, кто ценят свободу, значительно чаще остальных предпочитают такое государство, которое лучше обеспечивает индивиду свободу, чем безопасность (коэффициент связи $Q = 0,5$). Но в этой связи просматривается, скорее, дистанцирование от государства, чем его поддержка: почти половина респондентов считают, что о безопасности надо заботиться самому, не надеясь на власти.

Ценность свободы в России до сих пор не находится в сколько-нибудь заметной связи с ценностью власти, а если она и обнаруживается, то, скорее, с отрицательным знаком ($Q = 0,1$). Корень вопроса в том, что в ценностном сознании большинства россиян власть вообще находится на очень низкой позиции. Во всех трех обследовании (1990, 1994, 1998 гг.) ценность власти стабильно занимает последнюю строчку. А если взять ответы на прямой вопрос о ценности власти как таковой («Человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была власть, возможность оказывать влияние на других»), то полностью согласны с этим суждением в соответствующие годы были еще меньшие доли респондентов: 7,8, 15,8, 11,3%, т.е. явное меньшинство.

Но это весьма активное меньшинство. Его образуют преимущественно мужчины (их 1,5 раза больше, чем женщин), до 35 лет, чаще выходцы из деревень и рабочих поселков, с незаконченным средним образованием (21,3% против 8,3% с высшим образованием). Их мотивом определено является стремление добиться признания, успеха ($Q = 0,79$), при этом главный показатель успеха – богатство ($Q = 0,67$); они готовы бороться до полной победы над соперниками ($Q = 0,62$), используя не одобряемые обществом средства. Они склоняются к рыночной экономике, к государству, обеспечивающему свободу, но эти их склонности выражены менее отчетливо, чем у тех, кто прежде всего ценит свободу.

Наряду с властью, еще одна ценность (или антиценность) устойчиво занимает в иерархии базовых ценностей одну из самых низких позиций – вольность, по сути, вседозволенность. По объективному содержанию это противоположные ценности: власть так или иначе легитимирована в законах и нормах, а вольность означает отсутствие ограничений для субъективного произвола, это ненормированная вседозволенность. Наиболее резко она выражена в нашей методике в виде суждения: «Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека». Полностью согласны с этим суждением в 1990 г. 24% респондентов, в 1994 г. – 27,9%, в 1998 г. – 31,0%. Налицо рост готовности оправдать вседозволенность, как бы ни смягчать ее «обстоятельствами», – по крайней мере, стало больше обстоятельств для ее проявления.

Объективные характеристики носителей такой готовности во многом напоминают тех, кто ценит власть: преобладают мужчины, чаще очень юные (15–19 лет) или второго зрелого возраста (45–54 лет), с незаконченным образованием (как средним, так и высшим), прожива-

ющие преимущественно в рабочих поселках, малых и средних городах. Они также стремятся к признанию и успеху, включая богатство, еще в большей мере готовы использовать неодобряемые средства, хотя у них менее выражены предпочтения рыночной экономики и желание бороться до победы. Из них свыше 70% разделяют и ценность свободы, что свидетельствует о неадекватном ее восприятии российскими вольнолюбцами.

Думается, мы имеем дело со специфическим феноменом российской истории, который сохраняется и поныне. В ценностном сознании россиян власть сопоставлена с вольностью: первая выступает как самовластие «верхов», а вторая – как вседозволенность «низов»; обе образуют баланс взаимной дополнителности. Отсюда их тесная взаимосвязь: $Q = 0,49$.

Более того, они в определенной мере совместимы: часть ценящих власть одновременно ценят и вседозволенность. Много ли таких россиян и кто они? Их доля в общем числе ответивших невелика: всего 6,6%. Но среди ценящих вседозволенность они составляют 19, а среди ценящих власть – 54%. Значит, каждый второй из таких «совместителей» готов использовать власть как возможность легитимировать вседозволенность, т.е. ценят власть как самовластие. Наиболее склонны к совмещению власти и вседозволенности мужчины 25–34 лет, со средним специальным образованием, живущие в рабочих поселках, притом относящие себя к среднему слою и выше среднего. Они очень четко представляют свои интересы, максимально ориентированы на богатство как главный показатель успеха (85%) и на использование не одобряемых средств (70%) для достижения своих целей. Они явно предпочитают рыночную экономику, изобилие товаров при высоких ценах, а также государство, обеспечивающее свободу больше, чем личную безопасность.

Ценности власти и вседозволенности совмещаются в сознании многих россиян и со свободой: соответственно, 8 и 25%. Но в целом ценность свободы не обнаруживает значимой связи с властью и вольностью (соответственно, $Q = -0,1$ и $0,19$). Это очень важно, так как позволяет заключить, что **в сознании большинства россиян преодолено отношение к самим себе как к чьим-либо подданным.**

Следовательно, несмотря на рецидивы и мистификации традиционализма в России продолжается социокультурная трансформация в русле либерализации.

Вместе с тем, распространена антиценность вольности как вседозволенности, к тому же широко совмещаемая с ценностью власти, которая превращается в самовластие. Именно она служит аксиологической почвой, на которой продолжает произрастать традиционное отношение реальной власти к подвластным как к подданным. **Гражданская свобода большинства россиян оказывается между самовластием и вседозволенностью.** Это не промежуточное, а сжимаемое «сверху» и «снизу» положение гражданской свободы. Оно конфликтно в обоих направлениях и не позволяет надеяться на быстрое его преодоление. Приходится считаться с поколенческой природой и потому «тяжкой медлительностью» социокультурной трансформации [6].

Тем не менее, по мере выхода страны из системного кризиса и установления социокультурного баланса различные ветви власти, прежде всего законодательная и судебная, должны будут все более утверждать легитимный поря-

док в российском обществе и теснить вседозволенность. Постепенно это приведет к сужению пространства последней в действиях самих властей.

Как Э. Дюркгейм в конце XIX в. предвидел распространение органической солидарности во французском обществе, так и мы можем надеяться на завершение эволюции от традиционного подданства к либеральному гражданству в России в начале XXI в. Это одна из важнейших линий завершения ранней либерализации российского общества и подготовки его к зрелой либерализации.

Одним из свидетельств движения в этом направлении можно бы считать следование таким *стратегическим ориентирам* государства российского в начале XXI в.:

– не допускать решений, ухудшающих положение слабых слоев населения, обеспечивать постепенное его улучшение;

– устранять препятствия развитию инициативы специалистов – слоев населения с высшим и средним специальным образованием, стимулировать повышение качества и расширение масштабов их подготовки, поскольку именно они являются наиболее эффективным социально-экономическим капиталом страны;

– обеспечивать международные приоритеты России: военно-политические, экономические и др.

В целом же в России конца XX в. имеются условия для завершения ранней либерализации как первой стадии социокультурной трансформации. Российское общество очень трудно, но движется к более открытому антропосоциальному соответствию, характерному для следующей стадии – зрелой либерализации. Темпы движения к этой стадии, как и темпы предыдущих стадий социокультурной трансформации, определяются сменой поколений людей (их генераций) и потому измеряются не годами, а десятилетиями.

Литература

1. Кризисный социум: Наше общество в трех измерениях / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: ИФ РАН, 1994.
2. Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева. М.: УРСС, 1996.
3. Беляева Л.А. Социальная модернизация в России в конце XX века. М.: ИФ РАН, 1997.
4. Лапин Н.И. Проблема социокультурной трансформации // Вопросы философии. 2000. № 6.
5. Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997.
6. Гордон Л. Времена и сроки демократических перемен: Тяжкая медлительность исторического движения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 1999. № 5.